

*Моему любимому сыну Саше, Сашуне,
научившему меня видеть истинную красоту жизни,
и его замечательному отцу, безвременно ушедшему от нас*

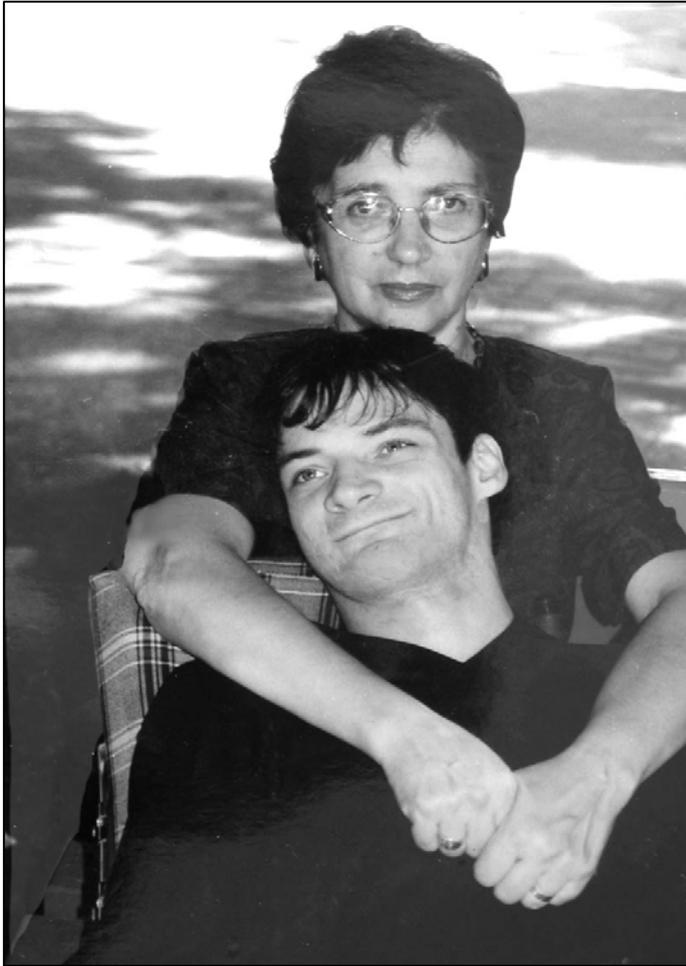
* * *

Вся наша жизнь, я думаю, была бы совершенно другой, если бы с момента рождения сына рядом с нами не была наша большая, дружная, преданная семья, принявшая нашу боль как свою и в течение сорока лет ни на день не оставлявшая нас без своей любви, заботы и бескорыстной помощи.

Рядом с нами всегда были и наши друзья – их поддержку в самые трудные моменты нашей жизни переоценить трудно.

Всем им – наш низкий поклон!

Галина Каган

Галина Каган с сыном Александром

Галина Каган

**ОКНО
В ДРУГОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ**

**ИЕРУСАЛИМ
«ФИЛОБИБЛОН»**

2009

Galina Kagan
A Window Into Another Dimension
(Jerusalem: Philobiblon, 2009)

Под редакцией
Леонида Юниверга

Редактор
Светлана Бейлезон

Автор макета и оформления
Леонид Юниверг

Корректор
Владимир Френкель

Жанр этого небольшого произведения определить непросто. Книга «Окно в другое измерение» — это истории, написанные от лица героев ее автором, Галиной Каган, взявшей на себя смелость озвучить мысли и воспоминания самых близких ей людей, которые сами не могут этого сделать по разным причинам. В основу книги положены реальные события, но все же это художественное произведение, в котором есть элементы вымысла и философского обобщения, делающие книгу интересной широкому кругу читателей. Книга Галины Каган — это гимн любви, не подвластной ни трудностям, ни печали, ни самой неумолимой из разлук.

Для контакта:

автор — e-mail: alexander55@012.net.il

издатель — e-mail: yuniverg@netvision.net.il

На обложке — фотография Саши у Стены Плача. 1990-е гг.

ISBN 978-965-7209-17-2

© Галина Каган, текст, фотографии, 2009

© Изд-во «Филобиблон», макет и оформление, 2009

Отпечатано в типографии «Ной» (Иерусалим)

– Мамочка, пока вы не привыкли к ребенку, отдайте его в дом инвалидов. Он никогда не будет ходить. Зачем это вам? Родите другого и будете нормально жить, – холодным безразличным голосом, глядя куда-то мимо меня, проговорила молодая женщина с застывшим взглядом светло-голубых глаз – областной детский невропатолог.

Я невольно повернула голову в сторону ее взгляда, надеясь увидеть кого-то, к кому могли быть обращены прозвучавшие слова. Но за мной никого не было. Там было только окно, за которым темнело дерево, уже почти сбросившее листья. Мне показалось, что его обнаженные, почти черные ветви, раскачиваемые ветром, на мгновение замерли – так же, как мое сердце...

Я повернулась и с ужасом посмотрела на врача. И тогда взгляд этих ледяных глаз остановился на мне.

– Это заболевание не лечится, – ровным голосом сказала она. – У вашего сына ДЦП – детский церебральный паралич в очень тяжелой форме – спастический тетрапарез*. Сколько ему месяцев? Шесть? Не тяните, мамочка. Чем раньше отдадите, тем лучше. Пока он ничего не понимает...

– Почему не понимает? – еле слышно проговорила я. – Он нас всех узнает. Улыбается, когда папа приезжает из командировки... И бабушке радуется... Вы посмотрите, какие у него умные глазки...

– Мамочка, не фантазируйте! Даже нормальные дети в таком возрасте не всегда узнают своих родных. послушайте меня, вы ведь даже не представляете, что значит растить такого ребенка. Такие детки все равно долго не живут. Лет 10–12. Не мучайте себя. Дать вам направление в дом инвалидов?

---

* Спастический тетрапарез – одна из форм детского церебрального паралича, характеризующаяся скованностью мышц как верхних, так и нижних конечностей, обычно приводящая к тяжелой инвалидности.

– Нет! Нет! Нет!

Не в силах осознать услышанное, кое-как завернув в пеленки маленькое, беспомощное тело сына, я вышла в коридор, где нас ждала моя мама.

– Ну, что, что она сказала?

Я не могла произнести ни слова. Глаза медленно наполнялись слезами, которые почему-то никак не могли пролиться наружу.

Мама решительно направилась в кабинет врача.

Сколько времени она там провела, я не помню: время для меня остановилось.

Когда она вышла из кабинета и направилась к нам, опустив голову и пряча от меня глаза, я поняла, что ничего, что могло бы меня хоть как-то обнадежить, не услышу... Она молча обняла нас и тихо проговорила:

– Ну что ты! Она же может и ошибаться! Мы еще повоюем!

Живет человек... Как все... В одинаковом для всех людей на Земле пространственно-временном измерении... И вдруг под его ногами проваливается земля, и его долгожданный ребенок летит в образовавшуюся пропасть... И человек, не раздумывая ни минуты, бросается за ним: только бы успеть подхватить, не дать разбиться... И они вместе оказываются в совершенно ином мире, в другом измерении...

В этом мире живет много людей, которых раньше он просто не замечал. И устроен этот мир совсем по-другому. Здесь медленнее течет время, ограничены жизненное пространство и круг общения, другие мерки человеческих отношений, жизненных приоритетов, другие представления о радости и печали, о счастье и горе, об удачах и неудачах... Но, независимо от его обитателей, в этом другом мире продолжается Жизнь...

Конечно, эти миры как-то взаимодействуют друг с другом. Но как? По каким законам? То, что в одном мире хорошо, в другом – плохо! Возможное – невозможно. Реальное – нереально! Добро оказывается злом, а зло – добром!..

Но это не значит, что в одном из миров представления ложны. Просто разные точки отсчета, другое измерение.

К сожалению, та женщина-врач в диагнозе и в прогнозах не ошиблась. Добавилось только уточнение – гиперкинетическая форма паралича (заболевание сопровождается произвольными движениями – гиперкинезами, повышением мышечного тонуса и речевыми нарушениями), что еще более отягощало последствия. Почти все было именно так, как она сказала. За исключением одного: на днях нашему сыну исполняется 40 лет. Действительно, его физическое тело почти беспомощно. Целенаправленные движения с большим трудом он может выполнять только левой рукой. Речь его могут понять только очень близкие люди. Но душа его, сформировавшаяся в этом несовершенно теле, не знает черной зависти и злобы, доверчива и доброжелательна ко всем окружающим, жизнерадостна, любознательна и жизнелюбива. И в канун своего сорокалетия он приглашает всех, кто решится растревожить свою душу, в короткое путешествие по узким тропинкам его жизни, по которым он передвигался в своих, сменявших одну за другой колясках, не жалуясь, ни на кого не обижаясь, никого не обвиняя, улыбаясь нашему миру своей безоблачной голубоглазой улыбкой.

Маршрут первый

Путешествие в мое детство и юность

Через несколько дней мне исполнится 40 лет, хотя мне самому трудно в это поверить, да и все говорят, что я выгляжу гораздо моложе. То, что я не такой, как другие дети, я понял рано, но о том, что я болен, я услышал от взрослых раньше, чем сам это понял. Откуда я мог знать, что я не умею делать того, что нужно уметь в моем возрасте? Держать голову, сидеть? Я просто жил. Меня носили на руках, кормили, поили, меняли пеленки (я очень громко кричал, когда они были мокрые), улыбались и о чем-то со мной разговаривали, хотя я не всегда еще мог понять – о чем. Но голоса были ласковые и нежные, даже когда я плакал из-за внезапной боли, скручивающей мое тело, и не давал никому спать. Тогда мама или папа брали меня на руки, крепко прижимали к себе и ходили, ходили, что-то напевая, пока боль не отступала и я наконец не засыпал. Я был под защитой этих рук, глаз, голосов. По утрам папа обычно спешил куда-то и перед тем, как уйти, всегда подходил ко мне и прикасался губами к моему носу. Было очень приятно, хотя появлялся какой-то особенный запах – запах дыма, который всегда возникал возле папы, потому что он много курил, и мама его за это ругала недобрым голосом. А иногда, когда папы уже не было дома, мама подходила ко мне и тихо говорила: «Папа пошел на работу, а мы с тобой идем к врачу».

И мы с ней шли в больницу, где меня рассматривали врачи – люди в белых халатах, которых я сразу невзлюбил. Они трогали меня какими-то блестящими предметами, щелкали пальцами перед глазами, щекотали пятки. А потом говорили маме что-то, вероятно, не очень приятное, потому что мама всегда уходила от них печальная, со слезами в глазах.

А по дороге домой мы часто заходили в сквер, который был напротив нашего дома. Это место мне очень нравилось. Из коляски мне было видно такое синее небо! Мама говорила всегда: «Небо такое же синее, как твои глазки!».

А однажды, когда я чуть подрос, мы с мамой были в этом скверике, она взяла меня на руки, и мы сидели на скамейке и грелись на солнышке. И тут я увидел много маленьких детей, которые тоже гуляли в колясках со своими мамами. Но эти дети сидели, держали в руках игрушки, и голова у них держалась прямо, а не падала вниз, как у меня. Тогда я впервые заметил, что я не такой, как другие дети, и мне кажется, что я начал догадываться, почему мы ходим к врачам и почему мама с папой бывают часто такие грустные. Наверное, они хотели, чтобы я был такой же, как эти дети. Но как это сделать – врачи не знали, а у меня ничего не получалось, как я ни старался... И мама с папой искали в украинских селах разных дедок-бабок, которые меня усыпляли, что-то там шептали, давали мне какие-то травы, советовали укутывать в навоз, делать скипидарные ванны... В общем, на мне перепробовали все. И я все терпел: ведь мне так хотелось стать таким же, как все дети, чтобы мама с папой чаще улыбались и меньше грустили!

А когда мне исполнился один год, мы впервые поехали в Евпаторию. Об этом городе маме рассказала одна знакомая, у которой сын был такой же, как я. Она сказала, что там принимают таких больных на лечение. По крайней мере, там делали все возможное, что могли предложить врачи, – не отнимали у родителей и у нас, «децепешных» детишек, надежду на то, что и мы когда-нибудь будем ходить, бегать, говорить...

Этот удивительный город Евпатория! Из самых отдаленных уголков нашей страны самолетами и поездами туда привозили больных детей со страшным диагнозом – ДЦП. Местные жители обычно сдавали квартиры приезжим родителям с больными детьми, а в курсовочном бюро, после двухнедельного стояния в очереди, можно было приобрести курсовку на лечение. И когда она наконец-то оказывалась в руках родителей – это было такое счастье! Ведь появлялась надежда! А вдруг именно им-то и повезет! А вдруг именно на их ребенка упадет божественный взгляд! И счастливые мамы и папы, глядя на своих детишек, беспорядочно размахивавших руками и ногами, везли их по улицам города в переделанных умельцами детских колясках на массажи, грязи, к логопедам и на множество других, самых разных и бесполезных процедур, надеясь если не вылечить, то хотя бы немного облегчить состояние своих детей.

Мы с мамой и папой ездили в этот город восемнадцать лет. Жили мы все эти годы на одной и той же квартире, у одних и тех же хозяев: тети Лены и дяди Толи, которые, конечно, стали нашими лучшими друзьями. Каждый год они встречали нас на машине в Симферополе, и пока мы ехали, я всегда внимательно смотрел в окно, вспоминая дорогу, чтобы дядя Толя случайно не пропустил знакомый поворот в Евпаторию. И вот мы уже почти добрались – поворот на улицу Кирова, где машина резко тормозила у дома номер 3.

А там нас всегда радостно встречали – и баба Вера, мама Лены, и Костя с Юрой, сыновья Лены и Толи. А в гостиную нас уже ждал праздничный обед с жаренной на сливочном масле черноморской камбалой, которую мы все очень любили! Костя с Юрой помогали нам занести вещи, мою коляску отвозили в кладовку, но меня им не

разрешали брать на руки – боялись, чтобы они меня не уронили. Дело в том, что они тоже были больные. Нет, не такие, как я, – ребята ходили и умели разговаривать, но, несмотря на то, что они были старше меня, иногда мне казалось, что они немножко странные, как будто все время удивленные, и понимают все как-то по-своему. Почему-то я подумал, что они – инопланетяне. Когда я научился немножко разговаривать, я даже спросил об этом папу, а он мне на ушко сказал: «А что, может быть, но они не признаются».

И только позже я услышал от мамы, что их совершенно неизлечимая болезнь называется таким звучным и совсем не страшным словом – олигофрения. Даже не знаю, что хуже – не уметь ходить, как все, или не уметь думать, как все? Но со мной они дружили, приходили ко мне в гости поиграть в игрушки и посмотреть картинки в книжках. А мама часто мне говорила: «Посмотри, какие мальчики аккуратные! Никогда не подойдут к столу, не помыв руки». (Так их приучил папа, дядя Толя. И я видел, что они его побаивались.)

Дом, в котором мы жили, был двухэтажный и принадлежал двум хозяевам. Бóльшую часть дома занимала семья дяди Толи и тети Лены, у которых мы снимали небольшую комнатку, где с трудом помещались две кровати и узкий шкаф в маленьком коридоре. Рядом, за стенкой, жила семья высокой, красивой женщины с не улыбчивым и, как мне казалось, злым лицом. И хотя она была не очень молодая, почему-то все называли ее только по имени – Катя или Катерина. У нее было три сына и, как я услышал однажды от тети Лены, все трое были от разных пап, которых никто никогда не видел. Но ребята были очень красивые и умные. Один даже учился в Ленинграде в университете и был, как говорила Катерина, талантливым математиком.

И хотя я был еще совсем маленький, но помню, как Катя с тетей Леной постоянно ссорились. А когда мне было лет десять и мы в очередной раз приехали в Евпаторию, я услышал, как тетя Лена рассказывала маме о том, что недавно Катя из-за какой-то ерунды поругалась с ней и крикнула:

– Мало того, что у тебя дети идиоты, так мы еще все время должны смотреть на этих инвалидов, которых ты берешь на квартиру!

И тогда Лена, не отдавая себе отчета, крикнула:

– Катерина! Побойся Бога! Ведь Он накажет тебя за эти слова, накликаешь беду на своих детей!

И представьте себе, через несколько лет, когда все уже забыли об этих словах, произошло что-то непонятное! Оба старших сына Катерины сошли с ума и почти все время находились в психиатрической больнице. Иногда на какое-то время они появлялись дома, и тогда все жильцы нашего двора настораживались и боялись выходить из своих квартир. Хотя это напрасно – они были совсем безобидные. А младший сын через год после своей свадьбы попал в тяжелую автомобильную аварию и долго лечился. Тетя Лена тогда помогала Кате чем могла и в разговоре с моей мамой все винила себя: «Это я виновата, я виновата! Слово вылетело и понеслось. И мы не знаем – куда! И так вернулось!».

С тех пор я боюсь, когда при мне начинают кого-то ругать и что-то нехорошее желать людям. Я знаю, что слова могут ожить и стать страшным оружием. Как бумеранг (мне папа о нем рассказывал).

Мне, конечно, тоже было жалко Катю и ее сыновей, хотя она меня не любила и никогда не подходила даже близко к моей коляске. Ну что тут поделаешь, даже некоторые хорошие мамы и папы друзья подходить ко

мне не решаются. Наверное, это не так и просто. Я на них не обижаюсь. Наверное, они боятся что-нибудь не то сказать или думают, что я их не пойму. Я-то их понимаю, а вот им меня понять непросто. А ведь нужно всего лишь набраться терпения! Но они все куда-то спешат, и нет у них времени на это терпение.

Я хочу вам сказать, что я очень любил эти наши поездки в Евпаторию и очень хорошо помню все в этом городе и всех людей, с которыми мы там дружили.

У меня вообще очень хорошая память, хотя когда мама говорит об этом врачам – они не верят. Я действительно помню очень многое – например, дни рождения всех моих родственников (всегда напоминаю маме); имена героев в книжках, которые мне читал папа давным-давно; запоминаю лица актеров в фильмах, которые смотрел. И если бы сейчас, через двадцать два года после нашей последней поездки в Евпаторию, я оказался бы вдруг на нашей улице Кирова, можете не сомневаться, я бы привел вас точно к нашему дому номер 3 и показал бы дорогу в массажный кабинет к тете Вале, и на базар, и даже в грязелечебницу, хотя она была далеко от дома.

Правда, все эти лечебные процедуры – грязи, массажи, ионофорезы, занятия с логопедом – я не очень-то любил, но терпел все, потому что мне нравилось ездить в Евпаторию: это было единственное место, где было много таких как я. И никто меня не разглядывал, как в нашем городе, и здоровые дети не шарахались от меня в сторону, и их мамы не кричали: «Отойди от коляски немедленно!». Этого я до сих пор не могу понять: ведь все знают, что ДЦП – болезнь незаразная. Почему же тогда нельзя к нам подходить? Мне ведь так хотелось, чтобы у меня были друзья. Было так обидно, что иногда даже хотелось расплакаться. Но мама быстро отходила в сторону

и увозила меня куда-нибудь, где детей не было, и начинала отвлекать – что-то рассказывать или читать интересную книжку. Она не могла мне объяснить, почему здоровые люди так себя ведут...

Я помню, когда мне было лет шесть, одна мама знакомого зашла к нам с дочкой Аленой. Конечно, девочка вначале удивленно на меня посмотрела, но потом все же подошла ко мне, протянула мне руку и даже погладила по голове. И пока наши мамы разговаривали, она мне рассказала, что у нее есть очень красивая и умная кошка, и даже прочитала мне стишок, который сама сочинила. Но ее мама торопилась, и они вскоре ушли, а Алена пообещала, что обязательно еще ко мне придет... Но она так и не пришла. А тетя Наташа, мама Алены, встретила как-то маму в городе и сказала, что она не может разрешить своей дочке ходить к нам, потому что в тот вечер Алена очень расстроилась и даже плакала от жалости... Мне и до сих пор непонятно: разве жалость такое плохое чувство? Разве лучше, когда у человека ее нет? Но всем же не объяснишь. «Ну и ладно, – сказала мама, улыбаясь, – проживем и без них, чего уж тут расстраиваться». Мы с мамой не обиделись. Ведь понятно: кто же захочет, чтобы ребенок плакал, даже если это из-за жалости? А папа очень огорчился и сказал, что так нельзя воспитать хорошего человека. А еще говорят, что жалость унижает. Не знаю, меня она не унижает. Это так естественно – жалеть больного, слабого. Мне больше нравится поговорка: жалеет – значит, любит.

А в Евпатории все было по-другому. В этом городе у нас было право на почти нормальную жизнь – мы вместе с моим другом Славухой и нашими родителями гуляли по набережной, смотрели фильмы в летнем кинотеатре, а иногда даже пили у бочек пиво с таранкой. Почему-то

всем нам было очень весело и смешно. Я помню, как мы смеялись, а прохожие смотрели на нас и тоже улыбались. И мы забывали о том, что мы в колясках! Глядя на нас, они, видно, тоже забывали об этом!

В общем, мне было хорошо в Евпатории. Я думаю, что и моим родителям там тоже было если и не хорошо то, во всяком случае, намного лучше, чем дома. Они видели, что не

одиноки в своем горе, и никто не смотрел на них с жалостью из-за того, что у них такой ребенок. Ведь нас там таких было ужас как много. Чего же друг друга жалеть? И все взрослые очень старались виду не показывать, что у них там на душе. Они улыбались, смеялись, шутили – с нами ведь не соскучишься! Все были заняты: спешили на процедуры, в магазины, на рынок. И все было, как у всех, целый месяц или два. А потом мы прощались с друзьями и разъезжались по домам. Но я знал, что мы сюда обязательно вернемся! Целый год мама с папой экономили деньги, чтобы на следующее лето мы снова могли поехать и встретиться с нашими друзьями, и снова, и снова!..

И так восемнадцать лет! Восемнадцать лет надежды! А вдруг повезет?! Кто-то научится лучше сидеть, стоять, а кто-то пойдет – хоть и плохо, но пойдет. А кто-то заговорит! Но, если честно, то такое случалось очень, ну очень редко. Гораздо чаще кто-то из давних знакомых на

следующий год не приезжал, и мои родители, надев на лица беспомощные улыбки, объясняли мне, что там все, конечно, в порядке. Просто нет денег! Но я-то знаю, что это не только из-за денег. Иногда, когда мама думала, что я не слышу, она со своими подругами говорила о моих знакомых детях, которых родители отдавали в дома инвалидов, а там они почти всегда быстро умирали. И я думаю, что не только потому, что за ними плохо ухаживали. А потому, что они не могли больше никого любить. Ведь их предали самые любимые люди – родители. Как мне жалко было этих детей! Я сам точно знал, что меня никогда не отдадут! Я просто знал. Ведь меня мама с папой так любили, так любили, просто так, ни за что, такого, как есть. Что же это такое – любовь? Настоящая любовь – это когда тебя любят ни за что?

А однажды... не приехал мой друг Славуха. И тут уж мама не смогла меня обмануть. Я ведь знал, что она подружилась с тетей Люсей, Славухиной мамой. Она пыталась мне объяснить, что он просто заболел. Но что-то было не так, в комнате как будто бы висело черное облако. Я это сразу понял, недаром мама говорила, что у меня очень развита какая-то интуиция. Что такое интуиция, я не понимаю, но иногда я действительно что-то знаю непонятно откуда. А тогда папа подошел ко мне и сказал: «Славуху мы больше никогда не увидим. Звонила тетя Люся и сказала, что они все переехали на другую планету, где, возможно, научились лечить вашу болезнь».

Это он, конечно, не подумал! Хоть мы с ним в то время и увлекались фантастикой (у нас была вся «Библиотека научной фантастики»), и папа каждый вечер перед сном мне читал что-нибудь, но я что-то не помнил, чтобы так запросто можно было перебраться на другую планету. И потом,

если бы они нашли такую планету, где лечат этот паралич, то я уж точно знаю – Славуха без меня ни за что бы не поехал. Объяснить это все словами я не мог, – я тогда почти не разговаривал, – да и что тут объяснять?!

В моей жизни это случилось впервые – вдруг исчез человек, к которому я успел привыкнуть, встречи с которым я ждал целый год. Если бы вы видели, как мы встречались в скверике возле нашего дома в Евпатории! Прямотаки щенячья радость – визг, писк на весь город! Мы бы выскочили из колясок, если бы не наши мамы, которые не знали, что раньше делать – держать нас или обниматься самим после годовой разлуки. И вот этого человека не стало. Был – и нет! Где ты, Славуха?!

Я тогда еще не знал, что такое смерть. Да я и сейчас не очень-то знаю. Куда-то исчезают люди. И даже потом, когда у меня умер дедушка, мне тоже долго не говорили, почему он не приходит. А потом мы с мамой перестали ходить в гости еще к одному моему другу, Павлуше. Он был почти как я, но говорить совсем не мог и был всегда печальный. Но я-то знал, что он тоже все понимает. Иногда мы с мамой и папой ходили к ним в гости. У него было много игрушек и интересных книжек с картинками. И его мама, тетя Таня, очень любила, когда мы к ним приходили. Она всегда мне что-нибудь дарила, хотя Павлушке это явно не нравилось, он начинал плакать и кричать. Я всегда терялся и не знал, что делать. Павлушу мне было очень жалко – его бросил папа. Просто ушел – ну не навсегда, как Славуха или дедушка, а взял свои вещи и переехал на другую квартиру. Как говорила бабушка Павлуши, «пошел устраивать свою личную жизнь, чтобы родить здорового, нормального ребенка, а не сидеть всю жизнь с этим инвалидом». Поэтому они жили вдвоем с мамой.

А однажды, когда тетя Таня была на работе, он запутался в ремнях коляски и задохнулся. Она пришла в перерыв, чтобы его покормить, а он не дышит... Тут уж они не смогли меня обмануть: когда раздался звонок и мама подошла к телефону, я услышал, как она вскрикнула и все время повторяла: «Не может быть, не может быть!». А затем сказала: «Я сейчас приду!». Потом позвонила папе на работу и сказала ему: «Умер Павлик!» – и просила побыстрее идти домой, а сама ушла к тете Тане.

В те дни я впервые услышал слово «кладбище». И узнал, что это такое место, где живут те, кого уже никогда нельзя увидеть, потому что ключи от их квартир никому не дают. Так мне объяснил папа, а ему я все же доверял.

Но может быть, их можно услышать или как-то почувствовать? А может быть, они слышат, о чем говорят или думают те, кто приходит к ним? Иначе зачем же люди ходят на кладбище? Мама мне говорила, что тетя Таня ходит туда каждый день и просит у Павлуши прощения. Значит, он слышит? Даже иногда ходит туда с Павлушкиным папой, которому, наверное, стало стыдно, что он ушел от них. Но я думаю, что Павлуша все же своего папу простил, а маму и совсем не за что было прощать. Она же не виновата, что ушла на работу. Ведь нужно было деньги зарабатывать. Меня, правда, почти никогда не оставляли дома одного. У нас всегда жила няня, ведь мама с папой тоже работали, чтобы заработать деньги для поездки в Евпаторию. А за Павликом раньше ухаживала бабушка, мама его папы. Но когда папа с бабушкой переехали на другую квартиру, она перестала к нему приходить. И тетя Таня никак не могла найти подходящую няню – тогда это было очень трудно, не то, что сейчас! Поэтому Павлуша подолгу был дома один. И конечно, тетя Таня себя винила в его смерти. Что же делать, в жизни все может случиться... Уже и тетя Таня дав-

но умерла, и я знаю, что она, конечно, встретила где-то там со своим Павлушей!

А потом произошло самое страшное в моей жизни – заболел мой папа. У него под ухом, на шее, выросла какая-то шишка. И я однажды увидел возле него черное облако. Но мне ничего не говорили, и все будто было как всегда – и мы вновь поехали в Евпаторию. В то лето мне исполнилось 18 лет – значит, я стал взрослым. Для меня ничего не изменилось, но нам не разрешили заходить на грязи в детское отделение, где были все вместе – и девочки, и мальчики, и мамы, и папы.

А в мужское отделение, конечно, папе пришлось заходить со мной без мамы. А ему, наверное, уже нельзя было так долго быть в этой соленой и горячей рапе. И когда мы вернулись из Евпатории, папа вскоре лег в больницу на операцию. Я видел, что мама и все наши родственники очень нервничают. Мне сказали, что нужно просто вырезать эту шишку. А я подумал, что эта шишка могла у него вырасти из-за того, что я иногда, – конечно же, случайно! – ударял его головой по этому месту. Как я себя ругал! Ну что подделаешь! Когда ко мне близко кто-то приближается, у меня резко отклоняется голова, и тогда уж, конечно, кому-то достается. Ну и мне ведь – тоже.

Рассказать об этом времени я не смогу: я тогда просто не понимал, что происходит. Но на душе у меня была тревога. Примерно через три месяца после операции папа вышел на работу, и два года летом мы даже ездили с ним в пансионат, расположенный в очень красивом месте, в лесу, на берегу реки. Но на второй год я-то видел, что он стал не такой, как всегда – сильно похудел, быстро уставал и даже мне редко улыбался. А когда мы вернулись домой, он уже на работу не вышел. Мама, конечно, не хотела меня пугать и ничего мне не рассказывала. Я

только видел, что каждое утро к нам приходила медсестра и делала папе укол, после которого он почти все время спал. А однажды утром меня срочно отвезли к бабушке, и когда я вернулся домой, мама сказала, что папу забрали в больницу очень надолго. Вначале я верил. Но ведь если бы папа был в больнице, мама бы к нему ходила. Готовила бы еду, как тогда, когда его оперировали. Потом, года через два, когда мама увидела, что я не успокаиваюсь и каждый день спрашиваю, когда придет папа, она сказала мне, что больница находится на другой планете, где скоро научатся лечить эту страшную болезнь. Может быть, это там же, где поселился Славуха? И хотя после этого прошло уже двадцать лет, я и сейчас еще надеюсь, что все-таки научатся же ее лечить – и папа вернется. Слово «папа» и слово «умер» для меня несовместимы. Просто его нет рядом с нами. Он ведь и раньше уезжал, бывало, в командировку надолго. И мы его ждали.

Перед нашим отъездом в Израиль меня все же повезли на кладбище, где было его место за оградой и черный блестящий памятник с папиным портретом, под которым написано крупными буквами: *«Владимир Евтушенко»*, и чуть ниже – строчка из маминого стихотворения – *«Спасибо за любовь твою...»*.

На небольшой выступ плиты мама положила букет ромашек – любимых папиных цветов, потом прикурила две сигареты, потушила их и оставила возле цветов. Он ведь и часа не мог прожить без сигарет. Значит, она надеялась, что они ему пригодятся? Понять это я, конечно, не могу, но я рад, что увидел место, куда иногда прилетает его душа, и что мама оставила там цветы и сигареты. Он будет знать, что мы его не забываем.

С собой мы увезли только большую фотографию папы, которую мама снимает со стены в день его смерти и в день

его рождения. И возле фотографии она всегда ставит букет его любимых ромашек и свечку, которая горит целый день. И печет его любимый пирог, и мы приглашаем наших родственников, чтобы помянуть его. И он смотрит на нас, а мы – на него. Может быть, он действительно нас видит и слышит? Иногда мне кажется, что его лицо на портрете как-то меняется со временем, становится более грустным. Или такого не бывает? Но все равно в нашей памяти он остается молодым, ведь он ушел от нас в 54 года...

С тех пор прошло почти двадцать лет. Иногда и сейчас я спрашиваю у мамы – сколько же можно ждать? Но мы ждем. Иногда я думаю, что мама все это придумала, чтобы я не очень расстраивался. Она знала, как я любил папу, и что он значил в моей жизни. Она боялась, что я не выдержу. Наверное, она была права. Но мы с ней выдержали. Она даже научилась выпиливать из дерева кинжалы и мечи, как это делал папа, и у меня собралась большая коллекция. А потом папины друзья подарили мне в день двадцатилетия настоящий меч из металла, который они отлили на заводе. Ведь они были металлурги, как и мой папа!

Маршрут второй

Экскурсия в мой музей оружия

Конечно, все думают, что любовь к оружию привил мне папа. Наверное, это так. Но мне кажется, что и не совсем так. С самого моего детства я помню, что папа, чтобы меня развлечь, вырезал мне из дерева своим перочинным ножиком (этот ножик я храню до сих пор) шпаги, ножи и даже мечи. И все наши друзья приносили нам разные палки, ветки деревьев, даже распиленные куски старой мебели – в общем, все, что могло пригодиться для этой цели. Я мог часами смотреть, как он это делает, мне сразу понравилось это занятие. Именно это! Ведь папа еще лепил мне разных зверей из пластилина, строил замки из кубиков, рисовал корабли и машины, но все это было мне не так интересно. А когда я видел новый меч, когда я наблюдал за точными и нежными движениями папиной руки, полирующей изогнутую поверхность, я был самым счастливым!

С тех пор мы с папой начали изучать все, что можно было найти о мечах. Это сейчас есть Интернет и там можно найти все что хочешь. А тогда было счастьем, если попадалась какая-нибудь книжка о самураях или рыцарях, и там были рисунки мечей и шпаг, и папа мог по этим рисункам делать мечи. Иногда, когда папа бывал в командировке, мама пыталась тоже что-то выпилить. И она научилась здорово это делать, как будто бы знала, что ей придется заменить папу. Теперь-то, здесь, в Израиле, у меня очень много книжек и о рыцарях Круглого стола, и о самураях, и об их мечах. Когда мне исполнилось 30 лет, мне подарили целый комплект самурайских мечей с настоящей подставкой, с очень красивым орнаментом на ножнах и рукоятками, обвитыми кожей, за-

помнил их странные названия – *катана, тати, вакидзаси*. И я знаю, как их правильно положить на подставку – обязательно лезвием вниз – и как их крепят к поясу...

У меня есть и меч короля Артура (ну, конечно же, не настоящий, но очень похожий), и испанские мечи, и короткие женские кинжалы, которые женщины прятали в складках широких юбок, чтобы защитить себя от нападения. А на отдельной подставке лежат сабли. Одна – очень старинная, мы ее купили на арабском рынке в Иерусалиме. Есть у меня и шпаги мушкетерские, и две рапиры спортивные, и даже есть настоящий морской кортик – нам его продал бывший капитан Северного флота, человек замечательный, но большой любитель выпить, и однажды, когда у него не было денег на водку, он его и продал нам недорого.

В отдельном ящике лежат разные пистолеты, кольты, браунинги и револьверы, а на стенке висят только два самых красивых дуэльных пистолета. Конечно, все это не настоящее, но сейчас так хорошо научились делать подарочные экземпляры, что сразу не отличишь. О мечах, и вообще об оружии, я могу рассказывать долго, но ведь это может быть не всем интересно...

А когда я вижу такой меч, какого у меня еще нет, я жалобно смотрю на маму, и она понимает, что тут делать нечего – придется покупать... Хотя, наверное, скоро у нас стенка рухнет от мечей, пистолетов и другого оружия. Но что же делать, если очень хочется потрогать своими руками, рассмотреть рисунок на лезвии меча, узор на ножнах? Я понимаю маму, а она – меня. Каждый раз мы с ней договариваемся: «Это последний...» Какое-то время мы даже близко не подходим к этим магазинам, а потом приближается мой день рождения, и все у меня спрашивают, что бы я хотел... хотя заранее знают мой ответ. А что еще я могу хотеть?..

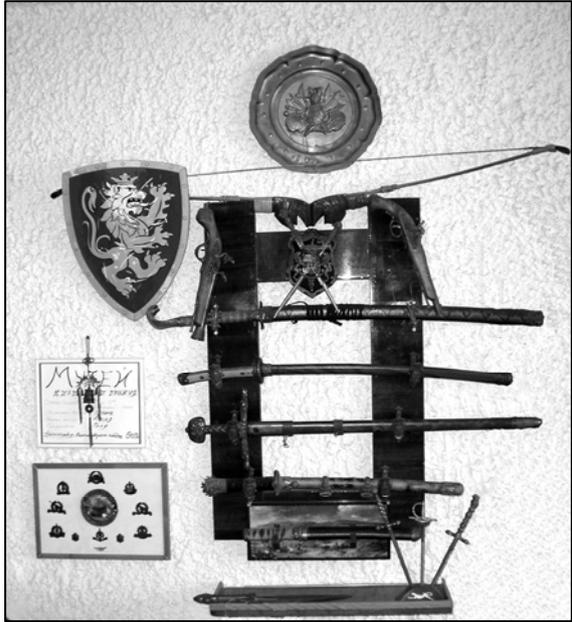
Помню, что когда я был маленький и не хотел кушать манную кашу, бабушка мне часто говорила:

– Чего же ты хочешь? Дордочки с паутинкой? Или достать луну с неба?

Что такое «дордочки с паутинкой», ни она, ни я, конечно, не знали. И луну, понятно, не достать, и вряд ли ее можно кушать. В общем, мы тогда вместе смеялись, и приходилось кушать манную кашу. «Хотеть, – говорила бабушка, – можно только то, что можно купить, а мечтать – это другое дело, мечтать можно даже о совсем несбыточном».

У меня-то, конечно, своих денег тогда не было. Но позже я завел себе копилку и собираю деньги, которые мне иногда дарят вместо подарков на день рождения. А потом уже покупаю то, что мне больше всего хочется: или оружие, или книжки об оружии, или исторические книги, или конструктор ЛЕГО, чтобы строить замки. Иногда мне хочется купить красивую одежду и красивые туфли. Но это всегда дарят мне мама или родственники. Я очень люблю красиво одеться и пойти в гости или с мамой на концерт, если в зал можно проехать на коляске.

Мама очень редко мне отказывает, если я что-то прошу. И всегда говорит с грустной улыбкой: «Хотеть – не вредно!». Но мне так мало чего можно хотеть, что даже можно было бы и купить! А мечтать-то, конечно, можно о чем угодно. Чаще всего я мечтаю о разных странах, и если бы меня спросили, куда я хотел бы поехать, то я ответил бы: больше всего я хочу в Японию. Мне так много читали о загадочных самураях и их обычаях. Интересно было бы своими глазами посмотреть на знаменитую японскую сакуру. Иначе как понять, что предназначение самураев – «быть похожим на опадающие лепестки сакуры»?

Я хотел бы побывать и в знаменитом саду камней Реандзи, в котором человек попадает в какое-то особое состояние. Может быть, и я почувствовал бы там что-то особенное?

Но самое, конечно, удивительное, это самурайский кодекс чести – «Бусидо» (какое красивое слово!), что означает – «Путь воина». Мне кажется, что самое главное в нем – это защита чести. И если самурай совершает какой-нибудь нехороший поступок, который по правилам «Бусидо» считается недопустимым, то он предпочитает совершить самоубийство – харакири, вспарывая себе живот кинжалом. Такая смерть считалась такой же достойной, как смерть в бою. А самое интересное, что женщины тоже обучались этому, и даже в день совершеннолетия им дарили маленький кинжал, которым в случае необходимости они должны были совершить этот ритуал. Но женщина вскрывала себе сонную артерию на шее. И в отличие от мужчин делала это, если оскорбление нанесли ей и затронули ее честь. Обычай, конечно, очень жестокий. Но тут уж ничего не поделаешь: так принято. Один наш знакомый, побывавший в Японии в конце Второй мировой войны, видел своими глазами, как один японский генерал сделал себе харакири из-за того, что его армия сдалась в плен.

Но вообще в этом «Бусидо» мне не все понятно, а со многим я не согласен. Разве это правильно, что путь воина означает смерть? И что жизнь не имеет никакой ценности? Даже для меня это не так – я ни за что не хочу умирать! Наверное, все-таки я никогда не был самураем. Может быть, я был просто мушкетером где-нибудь во Франции? Или рыцарем Круглого стола? Они мне как-то понятнее. Если бы я мог побывать в Англии, то обязательно бы поискал чашу Грааля и настоящий меч короля

Артура – а вдруг бы они исполнили мои желания?! Ну хотя бы одно на нас двоих с мамой...

А пока мы собираем самые разные мечи и шпаги, сабли и кортики, дуэльные пистолеты. И каждое утро сражаемся за каждый наступающий день...

Когда мне исполнилось тридцать лет, мама посвятила мне стихотворение, которое мне очень нравится:

*Нам тридцать лет, нам тридцать бед
На долю выпало нести,
И каждый день встречать рассвет,
Как будто в трудный бой идти.*

*Нам тридцать лет, нам тридцать бед!
Быть может, еще будет случай,
И нам поможет пистолет
И самурайский меч могучий.*

*И враг невидимый падет,
И майский гром по поднебесью
При блеске молний нам споет
Свою излюбленную песню.*

*Нам тридцать лет, нам тридцать бед,
Но день встречаем мы с улыбкой.
Луч солнца, возвестив рассвет,
Смычком провел по синей скрипке...*

Это правда. Но ведь у нас столько оружия! И мы не сдаемся... Но, как говорит мама, к сожалению, стареем. Вот мне уже 40!

А теперь я хочу провести вас по тропинкам, ведущим к моим родителям. Ведь я – это они. А им тоже пришлось из-за меня перестроить всю свою жизнь.

Маршрут третий

Дорога к маме

С мамой, я думаю, мне просто повезло. На протяжении сорока лет она почти всегда была рядом со мной – днем и ночью, на расстоянии слышимости моего негромкого и невнятного голоса. Я чувствовал ее спокойное дыхание, я знал, что она готова выполнить любое мое желание. Ее друзья стали моими друзьями. Я всегда был рад видеть их приветливые, улыбающиеся лица. Наш гостеприимный дом встречал их пирогами и чаем, душевными разговорами, стихами и песнями.

Я очень люблю свою маму... А обо всем остальном она расскажет сама.

Человек думает, что все, что с ним происходит в жизни, происходит случайно и он волен поступать, как ему хочется. Но однажды, бросив взгляд на цепочку давно свершившихся событий, он понимает, что все его поступки оказываются связанными в один сложный узор, который создавал кто-то другой. А он просто вязал ряд за рядом, где нужно закругляя, поворачивая, меняя стиль вязания, но двигаясь только вперед, все дальше и дальше, и если даже ошибался, то распустить уже связанное было совершенно невозможно. И чем дальше он вязал, тем понятней становилось ему, что каждая очередная петля соединена с множеством предыдущих, на них держится, ими подготовлена и обусловлена.

Сейчас, оглядываясь назад, на годы своей юности, я вспоминаю некоторые факты, которые, возможно, готовили меня к предстоящему испытанию, сталкивая, как бы случайно, с проблемами инвалидов и накапливая опыт

их понимания. Недаром ведь говорят, что Бог, посылая человеку испытание, дает ему силы, чтобы с ним справиться.

Приговор врачей перевернул всю нашу жизнь. Но вопреки всему где-то в глубине сознания оставалась не подчинившаяся разуму надежда. И именно она провела нас по трудным дорогам, которые нам предстояло пройти.

...Когда нашему сыну исполнилось семь или восемь лет и мы поняли, что ни лекарства, ни евпаторийское лечение не помогают, в наш город приехал китаец – как нам рассказали, потомственный врач, который мог лечить многие болезни методом иглоукалывания. Нам удалось с ним договориться, и он пришел к нам домой. Ничего у нас не спрашивая, доктор подошел к нашему сыну, как будто видел его уже не первый раз. К нашему удивлению, он сразу нашел к нему подход, что-то ему рассказывал, о чем-то спрашивал, стучал какими-то молоточками по позвоночнику, а потом сказал:

– Если бы у вас была возможность переехать в город, где я живу, в Ташкент, я бы попытался что-то сделать, хотя, конечно, гарантии, что он пойдет, я дать вам не могу. Но вы должны знать, что у вашего ребенка интеллект почти не затронут. И это главное. Поверьте мне, для человека это главное. Можно быть счастливым, не умея ходить, и можно быть несчастным, даже если ты физически совершенен. Попытайтесь сделать его счастливым!

И еще одна встреча помогла нам принять и преодолеть все, что пришло в наш дом с рождением сына, помогла не потерять надежды, не отпустить ни точку жизни.

Однажды мы вместе с сыном были в гостях, на дне рождения моей подруги, которая работала в то время переводчиком в группе инженеров, приехавших из Индии, – как тогда говорили, «перенимать опыт у советских сталеваров». Она пригласила несколько человек из этой группы на свой день рождения. Нам было интересно посмотреть и послушать людей из другой страны, тем более такой экзотичной, как Индия. У меня были свои причины для этого интереса. Я в то время много читала о йогах и их удивительных способностях, о семье Рерихов, о знаменитой Шамбале и о прозрениях Елены Блаватской. И где-то в глубине души все равно жила надежда: а вдруг?! Вдруг случайно я что-нибудь узнаю о лечении этого тяжелого заболевания – ДЦП?!

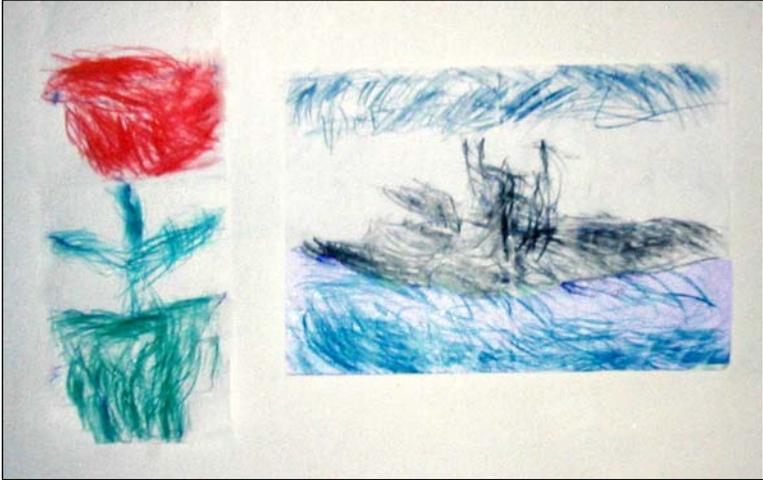
К сожалению, разговор шел на английском языке, который я знала не слишком хорошо. Поэтому мы с сыном сидели немного в сторонке, чтобы не мешать разговаривающим. В какой-то момент я заметила, что на нас смотрит один из гостей – высокий красивый индус средних лет. Он что-то сказал моей подруге и вместе с ней подошел к нам. Приветливо улыбнувшись и протянув руку сыну, он спросил у меня:

– Это ваш ребенок?

– Да...

Тогда он вдруг неожиданно поклонился мне, молча взял мою руку и с каким-то удивительным выражением лица поднес ее к своим губам и поцеловал.

Потом он рассказал нам, что в Индии к родителям такого ребенка относятся с особым почтением, так как считают, что Бог доверил им (!) этого ребенка, потому что они достойны быть его родителями, и что только они могут исправить его карму и сделать его счастливым! Но они должны понять главное: ребенок может быть счастлив только в счастливой семье!

Детские рисунки Саши

– *И это – ваш путь, – сказал индус, глядя мне прямо в глаза.*

Так во второй раз я услышала то, что как бы само собой входило в нашу жизнь: мы обязаны быть счастливыми!

И теперь я думаю, что знаю секрет такого счастья: это ЛЮБОВЬ! Мы укрыли своего сына от всех невзгод покрывалом любви, дали ему скатерть-самобранку, сапоги-скороходы и ковер-самолет! Что еще нужно для счастья?

Но чтобы дать счастье кому-то, нужно быть счастливым самому. Нельзя же дать то, чего у тебя самого нет. Ведь и слово «счастье» – это со-частье. То есть общая часть, это со-владение чем-то. Чем? Это я сейчас пытаюсь разложить по полочкам нашу жизнь. А тогда решения приходили интуитивно. Просто хотелось видеть улыбку ребенка. Значит, нужно улыбнуться ему. И он улыбался в ответ. И это входило в привычку, в характер.

Нам пришлось переосмыслить само понятие счастья. Оказалось, что у него множество лиц. И в этом множестве мы должны были найти свое, доставшееся нам, вернее – оставшееся. Нет, мы не жили по какому-то намеченному плану. Нас будто бы вела чья-то умная, добрая и уверенная рука. У нас не было выбора. Нужно было учиться искренне улыбаться, смеяться, жить, любить, работать, писать стихи, печь пироги, принимать гостей. Сделать так, чтобы сын никогда не увидел слезы в глазах, печаль в сердце. Не только не увидел – не почувствовал. Это сыграть нельзя. Нужно было изменить жизненные приоритеты, во главу угла поставив главное – интересы ребенка. И при этом не переступить ту узкую грань, за которой этот приори-

тет лишил бы нас обыкновенного человеческого счастья. Ведь именно его мы должны были дать сыну. Мы должны были сделать его счастливым! И я надеюсь, что это у нас получилось! И та, казалось, неподъемная печаль, – отступила. Спряталась в панцирь, как черепаха. И только иногда, по ночам, слышен ее тихий-тихий царапающий шепот: «Я здесь»...

Да, это трудное, особое счастье – счастье преодоления. Именно оно дало нам силы выжить. Ведь у нас был замечательный учитель – это, конечно, он сам, наш сын: самый сильный, никогда не унывающий, жизнерадостный, ни разу нас не упрекнувший, прощающий, научивший и нас не унывать, радоваться жизни и понимать ее неповторимость и красоту, научивший нас терпимости и терпению, и прощению! Это он уверенно держит в своих слабых-сильных руках поводья нашей жизни. Мы только помогли ему на поворотах. А он – нам! Благодаря ему нам удалось стать мудрее, добрее, сильнее.

На днях ему исполнится 40 лет. И он улыбается и говорит, что счастлив! Значит, счастливы и мы.

Нет, я не ошиблась, написав «мы», хотя со времени смерти его отца прошло много лет. Потому что все эти годы он был с нами – верный друг, нежно любящий муж и необыкновенный отец, самозабвенно преданный своему сыну, не растерявшийся, не потерявший надежды до последнего своего дня.

Через девять дней после его похорон, когда ушли наши друзья и родственники после поминок, я вдруг услышала странный треск над головой. Я подняла голову – и буквально онемела от ужаса: вокруг лампы кружилась голубой сверкающий шар размером с яйцо. Это было похоже на шаровую молнию. Хотя на улице была солнечная морозная погода, не было никаких туч и тем бо-

лее грозы. Я знала, что в таких случаях нельзя двигаться, но если бы и не знала, то сдвинуться просто не смогла бы. Не знаю, сколько времени это длилось. Когда я пришла в себя, шар пропал, а через мгновение в комнате, примыкающей к кухне, раздался страшный треск. Когда я туда вошла, я увидела, что в оконном стекле образовалась маленькая круглая дырка, будто бы кто-то бросил камень в окно. Но камня я не нашла, а дырка была совершенно круглая, как оплавленная. И не было никаких осколков стекла на подоконнике, и на стекле – ни одной трещины. А за окном, не шелухнувшись, замерли два дерева, когда-то посаженные мужем, и медленно падал снег на их ветки, на землю, чтобы охладить боль потери...

Так он ушел. С тех пор прошло двадцать лет, но мы ведь знаем, что он все равно с нами...

...Я думала, что воздух пуст,
А он наполнен был любовью,
Той, что прильнула к изголовью,
Снимая слепок с влажных уст.

Я думала, что воздух пуст,
А в нем металась и горела
Душа, парящая вне тела
В четвертом измеренье чувств.

Я думала, что воздух пуст...

Маршрут четвертый

Путешествие с папой

Мой папа! Он так меня любил! Я до сих пор не верю, что он ушел навсегда. Ведь каждый день в течение двадцати лет, часов в шесть вечера, я начинал прислушиваться: я знал, что с минуты на минуту начнет поворачиваться ключ в замке и вместе с потоком папиросного воздуха, на ходу раздеваясь и бросая на пол портфель, он ворвется в комнату и обнимет меня. Этот звук поворачивающегося в замке ключа и запах его сигарет никак не хотят забываться. Когда мы уезжали в Израиль, я очень волновался. А вдруг он вернется, а нас нет? Ведь теперь у нас другие двери, и старый ключ к ним не подходит! Иногда такие глупые мысли приходят мне в голову.

Однако рассказывать о папе я не могу. И хотя я знаю, что он тоже не любил это делать, я думаю, что если я попрошу, то он мне не откажет. Теперь ведь другое дело!

Записная книжка моей памяти начинается с самого страшного дня в моей жизни. Мне только недавно исполнилось шесть лет. На каком-то вокзале толпятся сотни людей, и мы с мамой и старшей сестрой зажаты в этой толпе. Мама бросается с нами из стороны в сторону, но никак не может пробиться к вагонам. Какой-то незнакомый мне мужчина подходит к нам и что-то взволнованно объясняет маме. Она начинает плакать и прижимает меня к себе. Потом достает из сумки ключи и клочок бумаги, что-то на нем пишет и отдает мужчине и ключи, и записку. И я слышу ее дрожащий голос: «Сыночек, иди домой, дядя Петя тебя отведет и позовет папу». Мужчина берет меня крепко за руку и, не дав опомниться, уводит с вокзальной площади.

Конечно, я не могу точно воспроизвести все события того дня. Помню только, что в конце концов дядя

Петя приводит меня к нашему дому, открывает нашу квартиру и говорит мне: «Ты не волнуйся, я сейчас пойду на завод и все расскажу твоему папе, и он к тебе скоро придет».

Не знаю, по какой причине, но дядя Петя на завод не попал. Отец дни и ночи был занят – завод готовили к эвакуации. И папа не знал, что я дома. Он пришел случайно через три дня, чтобы собрать свои вещи. Когда я уже выплакал все слезы от страха и голода. Этот ужас одиночества в закрытой квартире, без еды, без надежды увидеть кого-то близкого, и эта страшная обида на самого родного и любимого человека, маму, – остались на всю жизнь.

Подробности я узнал много позже. Дело было в том, что моя мама – немка. Говорят, что депортацию немцев с Украины начали еще за несколько дней до войны. Тысячи людей должны были собраться в считанные минуты и покинуть свои дома. Немцы из смешанных семей также подлежали депортации. Что заставило мою маму отправить меня назад, к отцу? Этого уже никто никогда не узнает. Может быть, она понимала, что ей одной с двумя детьми не справиться в этом ужасе? Много позже до меня доходили слухи, что мальчиков забирали у матерей и отправляли в детские дома. А в вагонах, переполненных перепуганными людьми, не готовыми к длительному путешествию, без запасов воды и продовольствия, умирали сотни людей, так и не доехав до мест назначения в Сибири и Казахстане. Не знаю. Не берусь ее судить. Но больше никогда своей мамы с сестрой я не видел. Что с ними стало? И простить ее я так и не смог. С тех пор в нашем доме даже имя мамы никогда не упоминалось.

Эвакуироваться с папой уже не успели и уехали в небольшое заброшенное село, где жили какие-то наши дальние родственники. А к концу войны папа сошелся с

маленькой худой женщиной, которая стала моей мачехой. Что греха таить, я ее не любил никогда, да и она меня не любила. Не обижала – но и не любила. Вся моя нежность и любовь остались в далеком прошлом, откуда как живая улыбалась мне моя мама. Но она не смела ко мне прикоснуться: знала, что я не простил ее.

Я об этом сейчас написал, чтобы было понятно, что именно я интуитивно искал в женщинах. Та, которую я смог бы полюбить, никогда не бросила бы своего ребенка, ни при каких обстоятельствах. Разве я знал, что Бог пошлет мне такое испытание? Но что должно было случиться, то случилось, – выбор ведь не за нами. А женщина, которую я встретил и полюбил, была той, единственной, и на нее я мог положиться.

Она безропотно прошла со мной весь путь, начертанный нам Судьбой. И не сошла с этого пути, когда меня не стало. А наш ребенок – маленький голубоглазый человечек, такой несовершенный физически, со взглядом мудреца и безоблачной улыбкой младенца, – стал для меня всем: в нем был источник моей боли и счастья, отчаяния и надежды. И видит Бог, я их оставил не по своей воле. Но они знают, что я и сейчас с ними.

Это – правда. Я так часто его вспоминаю, хотя уже прошло двадцать лет!

– Мам, я помню, мне это папа читал!..

– Мам, я люблю черный кофе, как папа...

– А я помню, что папа тоже любил кисло-сладкое мясо готовить...

– Мам, испеки пирог, который папа любил...

Я часто спрашиваю у мамы:

– Сколько же можно ждать?

А она всегда отвечает:

– Еще ведь не научились лечить эту болезнь...

Маршрут пятый

Путешествие в страну замков

Строить замки из маленьких кубиков, которые вставлялись друг в друга, тоже научил меня папа. Замки, которые он строил, были такие красивые, что я тоже изо всех сил старался построить такие же. Одна рука, левая, у меня получше. Я в ней могу удержать карандаш и в конце концов научился одной рукой соединять эти кубики. Конечно, это очень трудно! Но у меня получилось! Мои замки тоже очень красивые – почти как у папы. Так говорят все – и мама, и все мои родственники, и мамы друзья, и знакомые. Обычно я и сам не знаю, что получится. Как будто они сами возникают из-под руки. Правда, сейчас у меня есть книжка о Диснейленде, там нарисовано столько прекрасных замков, и я иногда в эту книжку подсматриваю. Я ведь их уже столько построил, что иногда фантазии не хватает...

Конечно, мама мне немножко помогает, но только когда нужно что-нибудь укрепить, чтобы на углах не развалились стены. А когда замок готов, тогда я как будто бы заселяю его принцами и принцессами, королями и королевами. Вообще я очень люблю историю. И в зависимости от того, о какой стране мы с мамой в данный момент читаем, я строю английские замки или итальянские дворцы, французские соборы или японские чайные домики. Недавно я узнал, что один из самых красивых соборов – Собор Парижской Богоматери – строился почти сто лет, и это было в конце 12-го века! Даже мама сказала, что в это трудно поверить. И тогда я его тоже построил – правда, по рисунку. Я тоже долго строил – две недели. Пришлось

маме покупать еще одну коробку ЛЕГО, потому что мне не хватило кирпичиков. Конечно, посмотреть бы на настоящий собор, но об этом я даже не мечтаю! Все мои родственники говорят, что получилось очень похоже. Вот он какой!

Иногда мои строения живут долго-долго, а иногда, если мне что-то в них не нравится, то всего несколько дней. И тогда я придумываю какую-нибудь битву или нападение разбойников и построенный с таким трудом замок безжалостно разрушаю. Мама говорит, что не может на это смотреть: ей просто жалко моих израненных пальцев и ногтей. А мне не жалко: я уже начинаю мечтать о новом замке. Или делаю перерыв, чтобы пальцы зажили, и рисую.

Лучше всего у меня получаются подводные лодки. Я очень люблю книжки Жюль Верна. А капитан Немо – мой любимый герой. Если книжка мне нравится, я могу ее слушать много раз, пока все не запомню. Раньше мне читал папа, он мог читать часами. А у мамы вскоре начинает болеть горло. Сейчас-то появились аудиодиски, и теперь я могу слушать сколько хочу – много раз, пока не надоест, или пока диск не выдерживает и не начинает сбиваться. Но все равно, когда читал папа, было лучше. Он мне все мог объяснить, я ведь не всегда могу понять сразу, что там произошло. Но папы нет, ничего не поделаешь...

Иногда, глядя на построенный замок, я будто бы вспоминаю о каком-то давнем времени... Но почему-то (наверное, это плохо) я всегда вижу себя воином. И конечно, я всегда побеждаю – и в бою, и на турнирах, и в поединках! Проигрывать я не люблю. Даже в шашки. Меня научил играть папа, а сейчас я играю с дядей Борей. Он немножко меня учит. И я все же у него иногда выигрываю, по-честному. Но иногда – проигрываю и расстраиваюсь. А мама говорит, что воин должен уметь проигрывать.

Маршрут шестой

Мой дом — моя крепость

Все то, о чем я уже вам рассказал, — и мой музей оружия, и мои замки, и книги — в общем, все, что у меня есть, — живет вместе со мной и мамой в нашем доме. И хотя это только квартира в большом шестиэтажном здании, но эта квартира — наш дом.

Свой дом должен быть у каждого человека. Это такое место, где он всегда может быть самим собой, его никто чужой не видит, не слышит, как будто бы он — невидимка. Со всех сторон он защищен — от любопытных взглядов, от дождя, от ветра, от холода и жары. Здесь его окружают только самые близкие и любимые люди, привычные вещи. Папа мне рассказывал, что самые первые люди это поняли давным-давно и жили в пещерах, чтобы спрятаться от непогоды и диких зверей, а может быть, и друг от друга. Потом увидели, что многие животные сами строят себе что-то похожее на пещеру: лисы — норы, медведи — берлоги, волки — логово, даже маленькие птички строят себе гнезда. И тогда люди тоже начали строить себе жилища. И придумали двери. Я думаю, что двери — это самая важная часть дома и до сих пор. Выйдя из дома, за дверью, ты сразу попадаешь в другой мир и становишься другим, «видимкой». Иногда это очень интересно. Ведь не только тебя видят, но и ты всех и все видишь. И даже если ты молчишь, все равно как бы разговариваешь мысленно с кем хочешь — с людьми, с облаками, с деревьями. А если что-то тебе не нравится или надоело, всегда можно уехать домой, закрыть за собой дверь и снова стать для всех по ту сторону двери невидимкой.

Свой дом я очень люблю и думаю, что он тоже меня любит. И мне хочется вас пригласить в мою главную комнату. Конечно, она не только моя. Но мама говорит, что я почти ее выселил, потому что действительно все стены, шкафы и полки заняты моими вещами. Маме остался один уголок с маленьким книжным шкафом с ее любимыми книжками и еще небольшая часть стены, на которой висят портреты ее любимых поэтов. А главные герои в этой комнате – мой широченный диван, который безропотно терпит меня с восьми утра до двенадцати ночи, и его помощник – замечательное кресло, которым я умею управлять сам с помощью электрического пульта.

В этой комнате все сделано так, чтобы мне было удобно: я сам могу достать почти все, что мне может понадобиться. На расстоянии вытянутой руки здесь лежат на полках мои книги, диски, карандаши и бумага. На ковре над диваном висит оружие, а на самом диване – пульт для включения телевизора, мои любимые книги и диски, даже маленький проигрыватель для дисков DVD. На своем диване и в окружении всех этих вещей я чувствую себя спокойно и уверенно. Здесь все то, что я люблю. И я думаю, что все эти вещи меня охраняют и тоже любят. Ведь им приятно, что они мне нужны и находятся в моей комнате, а не в магазине, где они были бы ничьи.

Но иногда все же наступает такой момент, когда мы с мамой начинаем мечтать куда-нибудь вырваться из этих наших стен и стать «видимками». Ведь понятно, что нельзя без конца смотреть на одни и те же предметы, даже если ты их любишь, и на одни и те же деревья в окне, хотя деревья эти – эвкалипты и я знаю, что они очень полезны для здоровья; и даже на одни и те же звезды, которые подмигивают мне с черного неба, когда я ложусь спать. Не то чтобы это все надоедает, но вдруг очень хо-

чется очутиться в другом месте. И тогда мы начинаем искать на карте Израиля какое-нибудь красивое место, где мы еще не были и где можно пожить хотя бы недельку. Там уж я смотрю во все глаза или на море, или на горы, или на окружающие нас деревья. А иногда я просто люблю посидеть в лесу и послушать, как шумят деревья, падают шишки, поют птицы, что-то стрекочет...

Но больше всего я люблю знакомиться с новыми людьми. Правда, мама говорит, что, к сожалению, эта моя любовь не взаимна. Мне трудно понять – почему. Ведь я не могу сделать им ничего плохого. Наверное, все же трудно переступить через невидимую черту в наше, другое измерение. Но ведь и нам так же трудно переступить эту черту в обратном направлении.

Время здесь летит очень быстро. И все же через несколько дней я начинаю скучать по своей комнате. Мама говорит, что мы с ней как почтовые голуби, которые всегда возвращаются домой. С самого детства их учат любить свой дом, и они всегда хотят туда вернуться. Они ведь помнят, что дома их ждут, накормят и будут им рады! И я тоже знаю, что мои вещи без меня скучают и ждут меня. И конечно, мы возвращаемся. Это здорово, когда есть дом, в который всегда хочется вернуться.

Недавно мама нарисовала мне интересный рисунок: сначала – маленький квадрат. И сказала – это наша квартира. Вокруг него – чуть больший квадрат: наш дом. Потом еще больший – наш город, потом еще больший – наша страна Израиль. Потом самый большой – наша Земля. Интересно, сколько таких квадратов можно нарисовать? А человек так устроен, что сначала какая-то неведомая сила тянет его из маленького квадрата в больший и в еще больший. А затем наоборот – из каждого большого квадрата тянет вернуться в предыдущий – мень-

ший. Потому что в самом центре есть самый маленький квадратик – его дом. Правда, иногда такое возвращение занимает очень много времени, проходит много веков и поколений. Но тут уж ничего не поделаешь: так был устроен человек. Поэтому, наверное, и вернулись евреи в свой дом, на Святую Землю, туда, где когда-то начали строить свои первые дома. А когда пришло время, то и мы с мамой оказались в Израиле.

Конечно, в этом мамином рассказе я не все понял. Откуда все-таки человек знает, куда он должен вернуться, если между тем первым домом его далеких предков и временем, в котором он живет, прошло так много столетий?

Мама тоже не знает. В таких случаях она поднимает голову вверх, к небу, и говорит:

– Это знает только Бог.

Маршрут седьмой
Моя дорога к Стене Плача

Я бы очень хотел знать: действительно ли существует этот Бог, который все знает и все может. Все то, что я о нем знаю, рассказывали мне мои няни – простые русские женщины, которые научили меня молиться, и я до сих пор помню молитву «Отче наш...». Но я ведь так искренне просил его хоть немножко мне помочь. И я понял, что или он меня не слышит, или помочь не может, не в его власти. Чтобы спасти его репутацию, Анна Владимировна, моя последняя няня, говорила: «Он не может тебе помочь, потому что ты еврей по маме, а у евреев другой бог и другие молитвы».

А почему же он не помогает другим детям, у которых мамы русские? Моему другу Славухе, например?

Когда мы приехали в Израиль, я сразу же выучил молитву «*Барух ата адонай...*», и однажды мы с мамой и моим двоюродным братом поехали в Иерусалим к Стене Плача. Мы с мамой заранее написали две записки с одной и той же просьбой, которые нужно было спрятать в Стене между камнями. Две – потому что нас предупредили, что Стена разделена на две половины – мужскую и женскую. Значит, я не мог проехать вместе с мамой. Меня провез до самой Стены мамин знакомый. Он и нашел там щель и помог мне спрятать в ней записку. Так делают все, кто туда приезжает. Конечно, вы догадываетесь, о чем мы с мамой просили. И прочитали молитву. А по дороге домой я спросил у мамы:

– Сколько же нужно ждать?

А мама печально ответила:

– Ты видел, сколько там людей, а сколько записок?!
Нужно набраться терпения.

Вот и еврейский Бог нам не помог. Неужели потому, что у меня папа не еврей? Нет, я так не думаю. Конечно, не в этом дело. Ведь я не раз видел фильмы по телевизору о страшных еврейских погромах, и мне еще папа читал о миллионах евреев, сожженных в крематориях во время войны. Что же он им-то не помог? Так может быть, его все же нет? Или он не всемогущий? Или ему для чего-то нужны наши беды? Иногда мне кажется, что правильно последнее: ведь если бы не было бедных, больных, беспомощных инвалидов, то люди не знали бы тогда, что такое жалость и сочувствие. Если бы никому не нужно было помогать или если бы не нужно было сделать кому-то добро, то тогда на Земле жили бы только злые и безжалостные люди. И Бог, наверное, разлюбил бы ее, нашу Землю, и она бы просто исчезла, не смогла бы прожить без его любви. В одном мамином стихотворении есть такие строчки:

*Можно выжить без пищи, без воды и без солнца,
Продержаться неделю на корочке хлеба,
Без любви – не поется, без любви – не живется,
Без любви даже души не взлетают на небо.*

И я понял наконец, почему Бог мне не помогает. Я нужен всем такой, как есть. Чтобы не засохли окончательно семена жалости и добра, которые Бог посеял в созданном им человеке. Мне папа говорил, что именно из них вырастает волшебный цветок Любви...

Маршрут восьмой

Путешествие в Страну любви

Я иногда думаю, что же все-таки означает это слово – ЛЮБЛЮ? Что человек чувствует, когда, не задумываясь, говорит: «Я люблю»?

И я никак не могу понять, почему одним словом называют такие разные чувства. Например, я люблю яичницу-глазунью, потому что она вкусная и красивая. И похожа на два солнца на белом небе (мне папа когда-то рассказывал, что есть такие планеты, на небе которых сияют два солнца). Мне кажется, что когда я ем ее, у меня улучшается настроение.

Или я люблю фильм «Капитан Немо». Там так красиво на дне океана! И там такие замечательные люди – храбрые, честные, великодушные! И как Жюль Верн мог все это придумать? Ведь тогда подводные лодки только-только появились! И мне папа сказал, что в них еще не было иллюминаторов. Этот фильм я видел много раз – и он мне не надоедает.

Или люблю, например, слушать, когда мне читают какие-нибудь приключенческие или исторические книжки. Я забываю обо всем, и мне кажется, что я живу вместе с героями книжек. Сражаюсь, побеждаю, влюбляюсь, даже умираю. У меня много любимых книг, и мне всегда хочется их слушать, хотя мама говорит, что я уже знаю их на память. Но ведь когда я действительно уже знаю почти на память, начинается самое интересное – я всем раздаю роли. Сначала выбираю какого-нибудь героя, кем бы я хотел быть. Представляю себя в его наряде и тогда прошу маму сделать мне такой же костюм на праздник Пурим. А всех других героев тоже как бы примеряю на папу, маму, маминых подружек или моих родственников.

Получается здорово! Иногда мы, прямо как в театре, играем какие-нибудь сценки. Мой любимый герой – Д’Артаньян! Мне бы хотелось быть таким, как он – красивым, сильным и справедливым. Только я на его месте никогда бы даже не взглянул в сторону миледи! Мне ее ничуть не жалко! Но что поделать – мама мне говорила, что многие мужчины не могут устоять перед красивой женщиной, даже зная наверняка, что она злая и нехорошая. Мне кажется, что я бы устоял...

Совсем по-другому я люблю музыку. Мне кажется, что звуки плавают вокруг меня как русалки или сирены, они меня завораживают, и я забываю обо всем на свете. А то, что я чувствую в эти мгновения, я называю «любовь». Когда я слушаю мой любимый романс «Гори, гори, моя звезда» или песню Рождественского «Мы нежность друг друга» в исполнении Анны Герман, я всегда плачу. Как объяснить – почему? Глаза наполняются слезами, в горле как будто бы ком, прямо не продохнуть. Так жалко – кого-то или чего-то. Себя? Получается, что любовь и жалость живут как бы вместе.

Любовь к человеку – это, конечно, совсем другое чувство. Понятно, что я очень любил папу, люблю маму. Совсем не потому, что они красивые или храбрые. Хотя для меня они, конечно, самые красивые! Я даже не знаю, как объяснить это состояние. Просто когда они рядом, я знаю, что со мной ничего не случится. Без них мне бы не прожить. И хотя папы уже давно нет с нами – от него ко мне тянется серебряная ниточка любви.

Я очень любил моего друга Славуху. Хотя помочь мне он ничем не мог – сам был такой же беспомощный, как я. И был совсем некрасивый. Но мне с ним было весело, и мы с ним часто смеялись, забывая о наших непослушных руках и ногах.

А еще я очень любил нашего кота Барсика. Вообще с котами у меня особые отношения. Я расскажу об этом как-нибудь в другой раз. Ну что значит любить кота? Правда, он действительно был красивый, цвета топленого молока. И когда никого не было дома, он меня охранял. Но он сильно болел, и его пришлось усыпить. Мы с мамой очень плакали: ведь мы его любили.

И что же общего между всеми этими ЛЮБЛЮ? Одно вкусно кушать, другое очень нравится слушать, третье – смотреть. А с любимыми людьми просто хочется быть рядом. Может быть, от всего, что любишь, на душе становится так легко, что даже забываешь обо всех неприятностях? Хотя, если честно, то я о плохом вообще не думаю. Я принимаю жизнь такой, какая она есть. И эту жизнь я люблю!

И еще получается, что я люблю все красивое. А может быть, наоборот: все, что любишь, кажется тебе красивым?

И еще я знаю, что есть любовь главная – Любовь к Женщине. В нее как бы входят все предыдущие любви – хочется и смотреть, и слушать, и прикасаться, и быть просто рядом. И что-то еще, чего я не могу объяснить.

Из-за этой любви дерутся на дуэли, иногда убивают даже себя, и благодаря этой любви рождаются дети... Правда, об этом я знаю очень мало, только догадываюсь. Вернее, догадывается мое тело. Если бы папа был с нами, он бы мне рассказал, конечно, подробнее. А мама, понятно, не может. Она только улыбается и говорит, что если бы я был здоров, то все девочки были бы у моих ног, потому что я очень красивый и влюбчивый. Действительно, мне иногда нравятся сразу несколько девочек. Но, конечно, одна – больше других.

Когда я увидел ее в первый раз, она вдруг подошла ко мне и поцеловала в щечку. Впервые в жизни меня поцеловала женщина! (Я, конечно, не считаю поцелуи мамы или бабушки – это совсем другое дело.) После этого поцелуя я сразу почувствовал, что со мной что-то произошло... И влюбился с первого взгляда. Я думаю, что она об этом догадывается. Но я понимаю, что по-настоящему она не может меня полюбить. Во-первых, у нее есть муж. Но я-то знаю, что не только в этом дело. Здоровые дети не хотят со мной дружить, здоровые девочки не могут меня любить. Ну что тут поделать? Я и сам ни разу не влюблялся в больных девочек. Я ведь живу в обществе здоровых людей. Больных я видел только в Евпатории, но это было очень давно. Поэтому, конечно, я влюбляюсь в тех, кто меня окружает. И я вам признаюсь, мне очень хочется жениться! И родить детей! А мама говорит, что это все обязательно будет в следующей жизни... Ничего, я подожду.

Что же это такое – любовь? В этом слове столько всего, что можно запутаться. А мама говорит, что любовь похожа на многострунный музыкальный инструмент. Это как будто бы подарок, который Бог дарит каждому при рождении. А может быть, и чуть раньше. Недаром же говорят, что беременным женщинам нужно слушать спокойную музыку, любоваться природой или красивыми картинками, читать умные книжки. Как бы мамы могут этот инструмент настраивать до рождения ребенка и, конечно, когда он уже родился, но еще маленький. А потом уже каждый человек настраивает его по-своему. И чем больше струн в нем, и чем лучше они настроены на все прекрасное, тем сильнее это великое чувство – любовь!

И еще я знаю, что когда ты любишь многое и многих, тогда тебе хочется жить вечно. Я знаю, что я буду

жить вечно, потому что мне нравится жить, несмотря на то, что я такой, какой есть. Мне кажется, что здоровым людям это понять трудно. Но ведь мы с мамой смотрим на жизнь из другого измерения.

...А если человек не любит ничего и никого, то тогда зачем ему жить? Может быть, поэтому самураи так легко расставались с жизнью? Они переставали любить. Они просто уже не могли полюбить никого. И тогда они падали на землю, как лепестки сакуры...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Маршрут первый

Путешествие в мое детство и юность (8)

Маршрут второй

Экскурсия в мой музей оружия (22)

Маршрут третий

Дорога к маме (28)

Маршрут четвертый

Путешествие с папой (35)

Маршрут пятый

Путешествие в страну замков (38)

Маршрут шестой

Мой дом – моя крепость (41)

Маршрут седьмой

Моя дорога к Стене Плача (45)

Маршрут восьмой

Путешествие в Страну любви (47)